

Гришин О.Е.

*кандидат политических наук, доцент,
Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)*

Самсонова Е.М.

бакалавр в области международных отношений (Москва, Россия)

Grishin O.E.

*Ph.D. in Political Science, Associate Professor,
Peoples' Friendship University of Russian (Moscow, Russia)*

Samsonova E.M.

bachelor in the field of the international relations (Moscow, Russia)

«ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ»: ЭКСПОРТ НА ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

«COLOR REVOLUTIONS»: EXPORT OF THE POST-SOVIET SPACE

Аннотация. Новым феноменом начала XXI века в политических трансформациях стали «цветные революции», которые обладают значительной силой в борьбе с геополитическим противником и породили под предлогом распространения идей демократии смену политических режимов в постсоветских республиках.

Смена политической власти в ряде стран постсоветского пространства, например, Грузии, Киргизии, Украине, продемонстрировала, что такие крупные акторы международных отношений, как США, ЕС, Россия, одной из своих основных целей ставят достижение контроля над территориями бывшего Советского Союза.

Abstract. The new phenomenon of the beginning of XXI century in the political transformations became the «color revolutions» that have a significant force in the fight against the enemy and geopolitical engendered under the pretext of spreading the ideas of democracy, political regime change in the former Soviet republics.

The change of political power in a number of post-Soviet countries such as Georgia, Kyrgyzstan, Ukraine, showed that major actors in international relations, the US, EU, Russia, one of its main objectives is to achieve control over the territories of the former Soviet Union.

Ключевые слова: цветные революции, политический режим, Грузия, Украина, Киргизия, демократия, политика.

Key words: color revolutions, political regime, Georgia, Ukraine, Kyrgyzstan, democracy, politics.

«Цветные революции» на постсоветском пространстве появилось сравнительно недавно, они заслуживают пристального внимания исследователей и политологов. Со временем «цветные революции» видоизменяются, и сегодня мы можем убедиться на примере государств, в которых был осуществлен «цветной» сценарий, что эти перемены приводят к довольно масштабным деструктивным кровопролитным социально-политическим конфликтам, ненасильственные формы свержения неугодных политических режимов приносят лишь негативные последствия в дальнейшее развитие государства [2; 6].

Внедрение «демократии снизу» – основная цель всех процессов, начавшихся в начале XXI столетия и получивших название «цветных революций» [4]. Имея различное содержание, свои предложения о социально-политических преобразованиях организаторы «цветных» сценариев распространяли по общей организационной схеме: оппозиционные движения действовали в рамках конституции, призванной увеличить права и формы участия народа в функционировании режима; массовые протесты осуществлялись под лозунгами «за большую демократию», но главной их целью оставалось смещение действующей политической элиты; каждый сценарий предполагал оглашение предстоящей или проходившей процедуры выборов сфальсифицированной, что в дальнейшем поднимало массовые волнения; главным участником всех митингов и акций являлась молодежь, как правило, из студенческой среды. От традиционных политических демонстраций эти события отличались новшеством использования современных информационных технологий (Интернет, мобильные телефоны) [10; 11], а также поддержкой оппозиции местными и зарубежными СМИ.

Несомненно, с точки зрения принципов демократии, все происходящие процессы были легитимны, но привели ли они к «демократизации»? Еще одним спорным моментом является определение типа всех «цветных» событий: это «народная революция» или форма государственного переворота?

Структурные изменения политических режимов в государствах, ставшими жертвами «принудительной демократизации», показывают, что новый демократический строй не был установлен ни в одной стране, а постреволюционные волнения в массах на фоне общей внутривнутриполитической нестабильности подтверждают переход внутригосударственных процессов на стадию вызревания нового витка политического кризиса [5]. Таким образом, победа революционных сил не означает завершение «цветной революции», она становится катализатором для новых кризисных явлений внутри страны. Дальнейшее развитие «революционных» последствий можно назвать латентным, основной характеристикой которого является дестабилизация политических процессов. Итогами «демократизации» становятся раскол в политической элите, экономический спад, рост недоверия общественности к новой «революционной» власти, формирование новых оппозиционных групп и в дальнейшем возможность очередной смены власти в стране как попытка решить образовавшиеся проблемы.

Последствия «революции роз» в Грузии привели к развитию внутренней нестабильности в республике, обусловленной авторитарным стилем правления новой власти во главе с Михаилом Саакашвили. Обострение политической напряженности подтверждается массовыми митингами протеста (до 50 тыс. участников) в конце 2007 года против проводимого курса политики [3]. Возрастающая зависимость экономики Грузии от зарубежной помощи и ухудшение российско-грузинских отношений (в 2008 году все связи были разорваны по инициативе грузинской стороны), причиной которых является активизация процесса сближения

Грузии с НАТО, являются итогами установления псевдodemократии.

Вторая «цветная революция» на постсоветском пространстве привела к смене правительства Украины и изменению внешнеполитического курса страны в сторону евроинтеграции. После «оранжевой революции» наблюдалось резкое снижение уровня взаимоотношений Украины с Россией и СНГ [14]. В начале 2000-х годов экономика Украины отличалась высокими темпами экономического роста и определенной социальной стабильностью. Но либерализация внешней торговли в интересах европейских представителей, сокращение социальных программ в виде увеличения пенсионного возраста до европейских стандартов стали причиной глубокого социально-экономического кризиса и запросов населения на политические перемены [7].

Для достижения контроля над постсоветским пространством внерегиональные силы стремились создать максимально благоприятный контекст, который включал закрепление во внешней политике государств региона, образовавшихся после распада Советского Союза, преимущественно западного курса в ущерб внутрорегиональной интеграции. Именно «цветные революции» стали инструментом политического давления на государства, с целью достичь переориентации существующей политики на проамериканскую политическую линию [17].

«Цветная революция» отличается от прямой интервенции тем, что страна оккупируется населением самого государства в интересах организаторов смены действующего режима. Контроль за государствами и территориями осуществляется через марионеточное правительство и *de jure* суверенитет стран не нарушается, а *de facto* – управление происходит извне.

Одним из важных индикаторов «цветных революций» стали нестабильность позиций действующих режимов власти, наличие внутренних конфликтов и сильной, активной, западнически ориентированной оппозиции. Безусловно,

внешние силы, осуществляющие поддержку протестных движений как финансово, так и информационно, и технически, сыграли определяющую роль в успешной «демократизации» ряда стран бывшего СССР. Однако, период неудач экспорта «цветных революций» в постсоветском пространстве, начало которому было положено событиями мая 2005 года в Узбекистане, где массовые беспорядки были незамедлительно подавлены правительством республики, показывает, что характер внутригосударственных процессов является причиной победы или поражения «цветных революций» [16].

Ряд нерешенных социально-экономических проблем, общественные волнения, пассивность правящих элит стали одними из определяющих факторов, способствующих победе оппозиционных сил в Грузии, Украине и Киргизии.

Так, отсутствие диалога между правительством и оппозицией в постсоветских странах, привело, с одной стороны, к маргинализации политических оппозиционных сил, путем их частичного или полного исключения из процессов принятия решения или возможности оказания влияния на него. С другой стороны, тормозилось собственное развитие правящей элиты из-за невозможности подвергнуть ее легитимность какой-либо критике порой на протяжении нескольких десятков лет [1].

Еще одной внутренней причиной успеха «цветной демократизации» стало отсутствие процесса рекрутирования правящей элиты. Любая относительно сильная власть теряет свою эффективность в силу старения и дефицита новых кадров, способных укрепить и реформировать режим. Политика постоянства и попытки предотвратить смену власти, распространяя страх о возможной угрозе дестабилизации внутригосударственных процессов, могут привести к политической и социально-экономической стагнации. И в этом случае «цветные революции» выступают как единственный способ развития.

За период правления Э. Шеварднадзе, Л. Кучмы, А. Акаева в республиках скопилась масса нерешенных социально-экономических проблем, «брожение» в обществе и рост числа недовольных проводимой политикой стремительно увеличивались. Этому способствовала пропаганда западной системы ценностей, призрачные мечты о «лучшей жизни» провоцировали людей выходить на улицы городов. Бездействие властей против организованных оппозиционных акций и демонстраций подтверждало объективную слабость правящих элит и придавало решительность организаторам «революционных» сценариев. Парадоксом оказалось преступление, к которому приравнивали использование обоснованной силы правительством для решения внутривнутриполитических конфликтов, то есть по сути, именно то, что делает власть властью.

Успехи первых «цветных» революционных процессов связаны с тем, что в каждом государстве присутствовали специфические проблемы, несмотря на выстроенную систему лидерами Грузии, Украины и Киргизии, обеспечивавшей контроль над политической жизнью страны.

К началу нового тысячелетия государственные институты Грузии работали крайне неэффективно, а власть Э. Шеварднадзе имела слабый и даже аморфный характер. В адрес президента страны были выдвинуты обвинения, касающиеся поражений грузинской армии в борьбе с сепаратизмом в Абхазии и Южной Осетии. Образование де-факто двух непризнанных государств на территории Грузии общество восприняло как ущемление национального достоинства.

Все три режима оказались лишь внешне стабильны и полностью зависели от состояния президентской власти, что нарушало баланс политических систем. Это подтвердилось в момент потери лидерами своего влияния. Политическая система резко пошатнулась, когда встал вопрос о передачи властных полномочий. Отсутствие у президентов Грузии, Украины и Киргизии, авторитета и популярности, проведение выборов в условиях электоральных манипуляций привели к общественному взрыву.

После распада СССР социально-экономическое состояние Грузии, Украины и Киргизии оказалось в наиболее проигравшем положении из числа бывших союзных республик. Сильный экономический потенциал стран, который они имели в Советском Союзе, в 90-х годах XX века сошел на нет. Так, например, экономическое развитие Киргизии в Центральной Азии оказалось едва ли не на уровне разрушенного гражданской войной Таджикистана. Но ситуация стала изменяться в первые годы нового тысячелетия, когда государства начали демонстрировать определенный экономический рост, что кардинально поменяло настроение общества в республиках. Так, на Украине к 2004 году, количество населения, неудовлетворенного своим социальным положением, сократилось на 20%. Тенденция была вызвана ускоряющимися темпами экономического роста: рекордным рост ВВП оказался в 2003-2004 гг. – 12%, когда пост премьер-министра возглавлял В. Янукович [12]. Экономический подъем привел к увеличению активности украинских граждан, которые стали обращать свой взор не только на ежедневные личные заботы о выживании, но и на политическую ситуацию в стране [8]. Сработал «эффект Токвиля» – достаточно высокий уровень благосостояния внутри страны привел «к преувеличению в массовом сознании требований скорейшего разрыва с негативным прошлым и, как следствие, повышение неудовлетворенности ходом происходящих событий» [9].

Выделим еще одну характерную черту для данных трех стран постсоветского пространства: отсутствие целостности и единства с идеологической и политической точки зрения. Противостояние Востока и Запада в Украине, раскол между Севером и Югом в Киргизии, потеря контроля над частью территорий в Грузии – все это подтверждает очередную причину, ставшей одним из двигателей «цветных революций» в этих странах – сильный регионализм и отсутствие общей государственной идеологии, скрепляющей общество. Почву для формирования оппозиционных движений создавали

постоянные противоречия между клановыми группами и фрагментация элит.

Серьезные противоречия и конфликты наблюдались в Грузии в начале 1990-х годов: центральная власть фактически не имела никакого воздействия на регионы. Яркая националистическая политика с лозунгами «Грузия для грузин» первого президента независимой Грузии З. Гамсахурдиа привела к многочисленным вооруженным столкновениям с национальными меньшинствами и стала в начале причиной утраты контроля над такими регионами, как Абхазия и Южная Осетия, а впоследствии и фактического их отделения. Э. Шеварднадзе так и не смог решить данную проблему, что в дальнейшем поспособствовало росту числа сторонников М. Саакашвили, который взял курс на «восстановление целостности страны» и вступление в ЕС и НАТО. «Воссоединение грузинских земель» – стало идеологическим проектом оппозиции, который смог обеспечить массовую поддержку «революции роз».

Период от распада Советского Союза до «оранжевой революции» показал, что в Украине единственным новым видением идеологии страны оказался проект национал-демократов. На востоке и юге Украины отсутствовали какие-либо идеологические проекты. Без единой консолидирующей национальной идеологической концепции для всех украинцев страна подверглась экономической, политической, культурно-духовной, национальной, языковой, религиозной дезинтеграции. Итогом стало разделение Украины на две основных противоборствующих политических стороны. Западная Украина представляла ту часть населения, которая активно поддерживала западный курс развития государства и составила основу революционной массы. Второй лагерь – Восточная Украина, где проживает русскоязычное население, тяготеющее сотрудничеству с Россией.

Цивилизационный раскол Киргизии по линии Север – Юг был обусловлен сосредоточением на юге республики в основном сельскохозяйственной отрасли и различного на-

ционального состава населения (киргизы, узбеки, таджики), который привел к широкому распространению в этой части страны такого религиозного направления, как ислам. Значительную долю населения севера Киргизии составляли русские, которые работали в развивающемся промышленном секторе. Слабые коммуникационные связи усугубляли географическое разделение республики [13].

Небезынтересен тот факт, что страны постсоветского пространства, ставшие жертвами волны «принудительной демократизации», занимают важное положение в орбите интересов Запада, стремящегося расширить свое влияние в постсоветском регионе – в Закавказье, в европейской части региона и в Центральной Азии [15]. Следует также отметить, что при этом внешняя политика Грузии и Украины в то время была наиболее западно-ориентированной среди стран СНГ. Киргизия представляла интерес как опорная база для военного присутствия НАТО в Центральной Азии (база «Манас») [3].

В итоге, все перечисленные проблемы и причины стали опорными пунктами для успешного развития «цветных революций» на постсоветском пространстве. Вполне обоснованно можно утверждать, что стратегический аспект эффективного и стабильного развития любого государства напрямую зависит от пересмотра механизмов взаимодействия власть – общество, а также от выстроенных взаимоотношений в связке «власть – оппозиция».

Новая псевдодемократическая власть, установившаяся в ходе классического сценария «цветных революций», трансформирует как внутреннюю политику, так и внешнеполитический курс страны. В победившем «постреволюционном режиме» наблюдается раскол в политической элите, усиливается недоверие населения к новому правительству, а наличие глубинных противоречий в обществе способствует росту массового недовольства, решение социальных проблем невозможно из-за дестабилизации экономики государства, конечным результатом становится политический кризис.

Участие западных сил в «революционных» процессах приводит к власти своих сторонников, иными словами тех, с кем «можно иметь дело». Новая «революционная власть» проводит политику с ярко выраженным прозападным курсом, но это не приводит к демократизации политических структур или к каким-либо кардинальным переменам, способствующим развитию государства. «Цветная революция» переходит в латентную стадию дезинтеграции внутригосударственных процессов. Структурные закономерности волн «принудительной демократизации» в государствах с разными характеристиками территориального плана, противоположными идеологиями, разнородным социальным составом и различными государственными интересами, позволяют определить «цветные революции» как формирующееся устойчивое политическое явление, приобретающее широкие масштабы в современном мире, и представляющее собой разрушительную силу, которая привносится извне. Но после завершения своего деятельного этапа начинает растлевать тело государства в новых скрытых формах, проявляющихся в неустойчивости и дестабилизации политических процессов, крайне опасных тяжелыми социально-экономическими последствиями в кратковременной и долгосрочной перспективе.

Литература

1. Акматалиева А.М. «Цветные революции» и парламентаризм в контексте процессов демократизации на постсоветском пространстве // Сравнительная политика. – 2013. – №1(11). – С.37.
2. Аникин В.И., Анненков В.И., Бажанов Е.П., Громько А.А., Жильцов С.С. и др. Современный мир и геополитика. – М.: Канон+, 2015. – С.374-410.
3. Бабаджанов А.Я. Военно-политическое сотрудничество постсоветских государств: Проблема сочетаемости национальных подходов: Научное издание / А.Я. Бабаджанов. – М.: ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2014. – (Серия «Постсоветское и восточноевропейское исследование»).
4. Бочанов М.А. «Цветные революции» на постсоветском пространстве в контексте четвертой «демократической волны» // Среднерусский вестник общественных наук. – 2009. – №2. – С. 171-177.

5. Вердиханова З.В. Политический кризис как следствие «Цветной революции»: тенденции и перспективы // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2010. – №2. – С.1.
6. Жуков В.И., Авцинова Г.И., Анохин М.Г. и др. Политология: учебник / под общ. ред. академика РАН В.И. Жукова. – М.: Издательство РГСУ, 2011. – 640 с.
7. Кротов М.И. Экономика Украины: необходимость нового курса // Проблемы современной экономики. – 2013. – №4(48). – С.41.
8. Малинкович В. О причинах «оранжевой революции» в Украине // «Оранжевая революция». Украинская версия / сост.: М.Б. Погребинский. – М.: Издательство «Европа», 2005. – С.33.
9. Наумов А.О. «Цветные революции» на постсоветском пространстве: взгляд десять лет спустя // Государственное управление. Электронный вестник. – 2014. – №45. – С.150. http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/45_2014naoumov.htm. – (дата обращения: 05.03.2016).
10. Нестерчук О.А. Опасный контент как технология скрытого управления массовым сознанием и поведением в современных условиях // Безопасность Евразии. – 2013. – №2(46).
11. Нестерчук О.А. Традиционные и инновационные политические технологии в информационно-психологическом противоборстве // PolitBook. – 2015. – №2. – С.84-103.
12. Погребинский М. Как Украина шла к «оранжевой революции» // «Оранжевая революция». Украинская версия / сост.: М.Б. Погребинский. – М.: Издательство «Европа», 2005. – С.73.
13. Прокофьев А.В. Трансформации политических режимов Грузии, Киргизии и Украины: сравнительное исследование: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 – Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2009. – С.15.
14. Zhiltsov S. Revolutionary Waves in the Post-Soviet Expanse / Central Asia and the Caucasus. 2005. №6. С. 7-13.
15. Zhiltsov S. Revolutionary Waves in the Post-Soviet Expanse / Central Asia and the Caucasus. 2005. №6. С. 7-13.
16. Аникин В.И., Анненков В.И., Бажанов Е.П., Громько А.А., Жильцов С.С., Иванов О.П., Келин А.В., Конишев В.Н., Кукарцева М.А., Митрофанова Э.В., Мозель Т.Н., Неймарк М.А., Орлов В.А., Рудницкий А.Ю., Сурма И.В., Соловьев Э.Г., Чуркин В.И. Современный мир и геополитика. Москва, Канон+, 2015. 448 с.
17. Аникин В.И., Бажанов Е.П., Баблицкий А.А., Балакин Д.А., Громько А.А., Жильцов С.С., Закаурцева Т.А., Иванов О.П., Конишев В.Н., Кукарцева М.А., Мозель К.Н., Мозель Т.Н., Неймарк М.А., Орлов В.А., Пашенцев Е.Н., Рудницкий А.Ю., Солтановский И.Д., Сергунин А.А., Соловьев Э.Г., Субботин С.В. Россия и современный мир. Москва, Канон+, 2016. 512 с.

Literatura

1. Akmatallieva A.M. «Cvetnye revoljucii» i parlamentarizm v kontekste processov demokratizacii na postsovet-skom prostranstve // Sravnitel'naja poli-

tika. – 2013. – №1(11). – S.37.

2. Anikin V.I., Annenkov V.I., Bazhanov E.P., Gromyko A.A., Zhil'cov S.S. i dr. *Sovremennyj mir i geopolitika.* – M.: Kanon+, 2015. – S.374-410.

3. Babadzhanov A.Ja. *Voennopoliticheskoe sotrudnichestvo postsovet-skih gosudarstv: Problema sochetajemosti nacional'nyh podhodov: Nauchnoe izdanie / A.Ja. Babadzhanov.* – M.: ZAO Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2014. – (Serija «Postsovet'skoe i vostochnoevropejskoe issledovanie»).

4. Bochanov M.A. «Cvetnye revoljucii» na postsovet'skom prostranstve v kontekste četvertoj «demokratičeskoj volny» // *Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk.* – 2009. – №2. – S. 171-177.

5. Verdihanova Z.V. *Politicheskij krizis kak sledstvie «Cvetnoj revoljucii»: tendencii i perspektivy // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk.* – 2010. – №2. – S.1.

6. Zhukov V.I., Avcinova G.I., Anohin M.G. i dr. *Politologija: uchebnik / pod obshh. red. akademika RAN V.I. Zhukova.* – M.: Izdatel'stvo RGSU, 2011. – 640 s.

7. Krotov M.I. *Jekonomika Ukrainy: neobhodimost' novogo kursa // Problemy sovremennoj jekonomiki.* – 2013. – №4(48). – S.41.

8. Malinkovich V. O prichinah «oranzhevoj revoljucii» v Ukraine // «Oranzhevaja revoljucija». *Ukrainskaja versija / sost.: M.B. Pogrebinskij.* – M.: Izdatel'stvo «Evropa», 2005. – S.33.

9. Naumov A.O. «Cvetnye revoljucii» na postsovet'skom prostranstve: vzgljad desjat' let spustja // *Gosudarstvennoe upravlenie. Jelektronnyj vestnik.* –

2014. – №45. – S.150. http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/45_2014naoumov.htm. – (data obrashhenija: 05.03.2016).

10. Nesterchuk O.A. *Opasnyj kontent kak tehnologija skrytogo upravlenija massovym soznaniem i povedeniem v sovremennyh uslovijah // Bezopasnost' Evrazii.* – 2013. – №2(46).

11. Nesterchuk O.A. *Tradicionnye i innovacionnye politicheskie tehnologii v informacionno-psihologičeskom protivoborstve // PolitBook.* – 2015. – №2. – S.84-103.

12. Pogrebinskij M. *Kak Ukraina shla k «oranzhevoj revoljucii» // «Oranzhevaja revoljucija». Ukrainskaja versija / sost.: M.B. Pogrebinskij.* – M.: Izdatel'stvo «Evropa», 2005. – S.73.

13. Prokof'ev A.V. *Transformacii politicheskikh rezhimov Gruzii, Kirgizii i Ukrainy: sravnitel'noe issledovanie: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk: 23.00.02 – Kazan': Kazanskij gosudarstvennyj universitet im. V.I. Ul'janova-Lenina, 2009.* – S.15.

14. Zhiltsov S. *Revolutionary Waves in the Post-Soviet Expanse / Central Asia and the Caucasus. 2005. №6. C. 7-13.*

15. Zhiltsov S. *Revolutionary Waves in the Post-Soviet Expanse / Central Asia and the Caucasus. 2005. №6. C. 7-13.*

16. Anikin V.I., Annenkov V.I., Bazhanov E.P., Gromyko A.A., Zhil'cov S.S., Ivanov O.P., Kelin A.V., Konyšev V.N., Kukarceva M.A., Mitrofanova Je.V., Mozel' T.N., Nejmark M.A., Orlov V.A., Rudnickij A.Ju., Surma I.V., Solov'ev Je.G., Churkin V.I. *Sovremennyj mir i geopolitika. Moskva, Kanon+, 2015. 448 s.*

17. Anikin V.I., Bazhanov E.P., Baklickij A.A., Balakin D.A., Gromyko A.A., Zhil'cov S.S., Zakaurceva T.A., Ivanov

O.P., Konyshov V.N., Kukarceva M.A., Solov'ev Je.G., Subbotin S.V. Rossiya i
Mozel' K.N., Mozel' T.N., Nejmark M.A., sovremennyj mir. Moskva, Kanon+, 2016.
Orlov V.A., Pashencev E.N., Rudnickij 512 s.
A.Ju., Soltanovskij I.D., Sergunin A.A.,